

УДК 821.161.1 Русская литература

Снычева Е. А.

Московский государственный областной университет

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РАСТИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ ПОЛИКСЕНЫ СОЛОВЬЁВОЙ «ПЛАКУН-ТРАВА»

Аннотация. В статье рассматриваются растительные образы в сборнике Поликсены Соловьёвой «Плакун-трава», вышедшем в 1909 году. Прослеживаются признаки многофункциональности этих образов в стихотворениях сборника; проводятся параллели со стихотворениями поэтов-современников П. Соловьёвой. Основной акцент ставится на соотношении жизни человека и природы, веры в Бога и стремления постичь тайны бытия, определить своё место на земле. В статье показано, как автор раскрывает перед читателем многозначную картину микро- и макромира, обращается и к тонким движениям души, и к величественной, масштабной жизни природы.

Ключевые слова: Серебряный век, символисты, природа, растения, трава, вода, образ водоросли.

E. Snycheva

Moscow State Regional University

MULTIFUNCTIONALITY OF PLANT IMAGES IN THE COLLECTION OF POEMS BY POLIXENA SOLOVIEVA «WILLOW-HERB»

Abstract. The article studies plant images in P. Solovieva's collection of poems "Willow-herb" published in 1909. The examples of multifunctionality of these images are found and analyzed. The author focuses on common features of Solovieva's poetry and works of her contemporaries. The article mainly highlights the correlation of human life and nature; belief in God and the desire to perceive existence, to define your own place on Earth. It also shows how P. Solovieva demonstrates the polysemantic macro- and micro world to her readers, addresses the deepest feelings of human nature and the majestic Nature.

Key words: Silver age, symbolists, nature, plants, images of grass, water and algae.

Почти неизвестная ныне русская поэтесса и художница Серебряного века Поликсена Сергеевна Соловьёва (1867-1924), дочь историка С.М. Соловьёва, успела выпустить при своей жизни несколько поэтических сборников. Первая её книга, «Стихотворения», вышла в 1899 году. Вторую книгу, «Иней» (1905), критиковал Ва-

лерий Брюсов, а вот младосимволисты Андрей Белый и Вячеслав Иванов считали П. Соловьёву своей духовной сестрой и соратницей по поэтическому цеху. Иннокентий Анненский причислял её к «поэтессам первого призыва». Даже само похожее на псевдоним имя Поликсена глубоко символично: в Древней Греции дочь Приама, Поликсену, ахейцы принесли

в жертву тени Ахилла. Примечательно, что мать П.С. Соловьёвой тоже звали Поликсеной.

Третья книга поэтессы, вышедшая в 1909 году в Санкт-Петербурге, получила название «Плакун-трава». Она начинается четверостишием, в котором приоткрывается образ многострадальный православной родины:

Там, где родины моей земля печальная и усталая

Смотрит в небо и шепчет молитвы слова,

Вырастает трава небывалая,

Плакун-трава [10, с. 7].

Можно сказать, что слова: «земля печальная», «молитвы» и «плакун» становятся лейтмотивом всего поэтического сборника Соловьёвой. Следует вспомнить, что по одной из легенд, плакун-трава впервые выросла у реки Иордан, – там, где плакала по распятому Христу Пресвятая Богородица, и с тех пор на плакун-траве даже в сильную жару горит роса.

Но символический образ плакун-травы у П. Соловьёвой раскрывает перед читателем многочисленные грани бытия, выявляя тождественность самых разных, и подчас несовместимых, даже антагонистичных явлений. И это вполне в духе символистов Серебряного века русской литературы. Например, Вячеслав Иванов, которому Поликсена Соловьёва в этой книге посвятила стихотворение «В безумный месяц март», говорил, что при изображении «действительности внешней (realia)» символист провидит «внутреннюю и высшую действительность (realiora)»¹.

Поэтому природа для символиста наполнена самыми разными и, подчас,

¹ Иванов В. Борозды и межи. – М., 1916. – С. 134.

необычными связями – символистическим «биоценозом», в котором органика (растения) свободно уподобляется неорганике (минералы). В стихотворениях сборника в ряду подобных примет мы встречаем, например, знак надежды – изумруд (см. одноимённое стихотворение), «грудь камня» («Водоросль»). Одна деталь может стать символом как «от язычества», так и «от христианства». По древним народным поверьям, согласно толкованию Владимира Даля, корень плакун-травы, собранный в Иванову ночь, хранит от соблазна, а бесы и ведьмы буквально плачут от этого растения [8, с. 119].

Образы плакун-травы и вообще растительного мира в книге Поликсены Соловьёвой выполняют целый ряд функций.

В стихотворении «Царевич» главный герой говорит о женщине, влюблённой не в него, а в его роковую песню, в которой «...для горя / Есть заветные слова, / И сквозь гул победный моря / Шелестит плакун-трава» [10, с. 10]. С этой удивительной, почти волшебной песней о небывалой любви царевич спешит к последнему подвигу и к «иной отчизне» – смерти. Победить, погибая – вот удел Царевича. И какой бы великой и яркой ни была победа, сквозь её радостный гул слышится шелест плакун-травы, то есть плач по погибшим. Напоминая о роке, о смерти, она одновременно выполняет и функции плакальщицы.

В другом стихотворении, «Жемчужина», мы неожиданно сталкиваемся с мезьей и ядом «растительного происхождения». Жемчужина (тоже в своём роде растительный образ) росла в раковине, спала в неге, и вдруг люди вытащили её на свет Божий, и

она «тусклою слезой навеки застыла» [10, с. 13]. В чуждом земном мире, пожалуй, лишь шум людских одежд может показаться ей отзвуком шелеста водорослей (или плакун-травы). И жемчужина, которая не может жить в «горячей могиле» [10, с. 13] солнечного света, начинает мстить женщине, которой теперь принадлежит.

С помощью сонного яда подводных трав, магией которых она пропитана, жемчужина заставляет свою хозяйку отказаться от света и полюбить сумрак. То есть подводные травы в этом стихотворении несут функцию мщения. Жемчужина становится олицетворением коварства и смерти, она буквально пьёт жизнь женщины. Жизнь жемчужины в раковине – это «иной мир», торжество «лилового сумрака» Блока и других символистов: «...в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк...»¹.

Ужасный для Жемчужины солнечный свет – это фольклорно вывернутый наизнанку Лучезарный Лик. У современного философа и поэта Константина Кедрова под «выворачиванием» подразумевается смерть-рождение, или метаметафора – «выворачивание вселенной из атома» [9, с. 39]. Для того чтобы вывернуться-родиться, следует пройти все этапы «родовых мук»; герои фольклора нередко умирают, чтобы возродиться «красше прежнего». Этот мотив прослеживается и в «Царевиче».

Плакун-трава у Поликсены Соловьёвой многолика, и её главная ипостась представлена в стихотворении

¹ Блок А. О современном состоянии русского символизма // Аполлон. – № 8. – 1910. – С. 3. (В основе статьи - доклад, прочитанный Блоком 26 марта 1910 года как отклик на доклад Вяч. Иванова «Заветы символизма»).

«Водоросль». При первом прочтении может показаться, что образ водоросли размыт, но именно он становится ключевым во многих стихах поэтессы. Водоросль (она у П. Соловьёвой мужского рода) «рождён волной зел`ной» [10, с. 17], то есть волна (читай – вода) – тоже водоросль. Она появляется перед нами в виде зелёных вод, морей, ручейка, в виде различных трав; её соками пропитана жемчужина.

Своеобразная «водорослевая вселенная» в стихотворении – это мир вечного движения, поэтому здесь так много глаголов и деепричастий. И, разумеется, именно водоросль автор делает чуть ли не центром мироздания: всё крутится вокруг неё, всё это красочное искрящееся движение, динамика живого и неживого мира, волны и пены, солнечных и лунных взглядов, быстрых рыбок и плавных медуз. Здесь водоросль – созерцатель и тот, кто ждёт своего часа. Он мечтает дожидаться бури, напиться её «хмелем», встрепенуться, надышаться разбитыми волнами, а потом вернуться «на грудь камня» и вновь наблюдать за кружением своей вселенной.

Однако гораздо чаще в этой книге образ водоросли олицетворяет собой нечто печальное, грустное, неизбежное, бессильное и смиренное. Но это вовсе не «тоска зелёная», тут есть своя особенность. В «Жемчужине», как уже говорилось выше, водоросль уподобляется пушкинскому ядовитому анчару. Женщина, после того, как ей подарили жемчужину, меняется. При этом и жемчужина, пропитанная ядом водоросли, и женщина – глубоко несчастны. Именно несчастье сделало жемчужину отравительницей. Ярко показано, как жемчужина хочет вер-

нуться в свою ракушку, как она скучает по ласкам водяных струй и перламутра. «Месть злая, нежная, печальная, как я» [10, с. 15], – говорит жемчужина о своём преступлении и даже вызывает к себе жалость у читателя.

Фольклорными мотивами насыщено стихотворение «Жемчуг царевны». Царевна, которой изменил возлюбленный, выбрасывает волшебный жемчуг в воду, в землю и в траву. Смысл этого деяния таков: только тот, «кто познает землю, воды и траву» [10, с. 20], может вернуть свою возлюбленную.

Здесь трава – важнейшая часть фольклорного триединства, и её роль чрезвычайно значима наравне с водой и землёй. А может быть, даже и больше! Оказывается, что именно трава – хранительница волшебного заклинания, и только когда Принц разберёт в шорохе травы слова этого заклинания, он сможет приступить к «познанию воды» и найти другую часть жемчуга. Любопытно, что разрешить все эти загадки и собрать все жемчужины сможет только последний из рода того неверного принца, несчастный и даже безумный мечтатель. В этом стихотворении наше внимание сразу привлекает ещё одна деталь – зелёные глаза царевны. Не в них ли «зашифрован» образ водоросли?

*И слышу, как шелковая трава
Повторяет заклинания слова...
[10, с. 22].*

Почему именно земля, вода и трава нужны царевне для заклания? Ответ можно посчитать очевидным, если вспомнить, что земля – дно, за которую водоросль крепко держится своими корнями, не боясь сильных течений и штормов.

Ярко-зелёные «плывущие» лучи изумруда (стихотворение «Изумруд») – тоже немножко водоросли:

*Лучи в невиданных слияньях
Плывут¹ ко мне со всех сторон,
И я тону в их сочетаньях... [10,
с. 39].*

Кажется, что можно на самом деле потонуть в «сочетаньях» – в многоликости и многогранности водоросли. Но справедливо будет оговориться: в нескольких стихотворениях сборника Поликсены Соловьёвой «Плакун-трава» образ водоросли, как и плакун-травы, никак не отражён.

Почти сразу за историей про неверного принца вполне логично в сборнике Поликсены Соловьёвой следует «Болгарская песня», в которой девушке снятся три сна о трёх женихах. Автор вполне обоснованно использует здесь принцип сказочного триединства. Например, девушка заснула под серебряной оливой и спала богатырским сном – целых три дня и три ночи. Может, в маслине сокрыта некая удивительная сила? Действительно, с оливой или масличным деревом связано множество легенд. В данном случае образ приобретает символическое значение.

В этом стихотворении языческое, «триединое-богатырское» соединено с христианским именно с помощью оливы. Согласно древнегреческой легенде, оливу создала мудрая богиня Афина; ветви этого дерева, по поверьям, отводят от жилища молнии во время грозы, спасают от сглаза и порчи. Она символ долголетия и бессмертия. Немало оливковых деревьев и ветвей в геральдике, достаточно вспомнить времена Каролингов. Поликсена Соловьёва не могла не знать, что это дерево особенно почитается христианами, потому что олива – первое дерево, которое склонилось перед Иисусом

¹ Здесь и далее курсив мой – Е.С.

Христом после Его рождения. У поэта Бориса Пастернака Иисус готовится к предстоящим мучениям там, где «седые серебристые маслины / Пытались вдаль по воздуху шагнуть...»¹.

Так что если говорить о функциональном значении масличного дерева как растительного элемента в этом стихотворении, необходимо подчеркнуть, что оно, это дерево, укрыло девушку от зноя, позволило как следует выспаться и вовремя разбудило её – сразу после того, как девушке приснился «правильный» – третий – жених. Происходит это так: злой ветер сорвал с дерева все плоды, и оливки посыпались на девушку, разбудив её ото сна. «Жёстких ягод град зелёный и скользящий» [10, с. 25] больно хлестнул её по лицу. Но девушка проклиная не маслину, а ветер:

*Пусть отсохнет ветра правое
крыло,
Чтоб не мог он бить маслинами
зелёными,
Сладкий сон свевать дыханьями
солёными!* [10, с. 26].

Растительный, «водорослевый» образ маслины не может померкнуть: дерево лишь орудие в «крыльях» рассерженного ветра.

Один из трёх женихов во сне принёс девушке красное яблочко, символизирующее здоровье, любовь, молодость и жизненные силы. Другой подарил «золочёное колечко». Цвет золота – символ славы и торжества – довольно часто встречается в «Плакун-траве». Вспомним, что Александр Блок использовал этот цвет, изображая независимую и красивую женщину:

*Молодая, золотая,
Ярким солнцем залитая,
Шла ты яркою стезёю* [3, с. 174]².

У Фёдора Сологуба в романе «Заклинательница змей» самая смелая и гордая девушка Вера Карпунина говорит «золотом звенящим голосом» [11, с. 376], когда выходит из леса с корзиной грибов и букетом синих васильков. Золотистые волосы и изумрудные глаза были у поэтессы Зинаиды Гиппиус. И, опять же у Блока, читаем:

*Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен* [2, с. 9]³.

По мнению Иннокентия Анненского, в творчестве Гиппиус и Соловьёвой было немало общего: эту параллель он проводит в статье 1909 года «О современном лиризме», напечатанной в журнале «Аполлон». В 1907 году Гиппиус публикует стихотворение «Овен и Стрелец», эпиграфом к которому ставит строчку поэта А. Меньшова: «Я родился в безумный месяц март...».

А у П. Соловьёвой читаем: «В безумный месяц март я родился на свет...» (стихотворение, посвящённое Вячеславу Иванову). И в этом совпадении нет ничего удивительного: А. Меньшов – один из псевдонимов Поликсены Соловьёвой (второй её псевдоним – Allegro). Сестринские чувства к Поликсене Соловьёвой увидел Лев Аннинский в «Балладе», которую З. Гиппиус ей посвятила. Главное действующее лицо «Баллады» – русалка в шуршащих камышах. Ал. Меньшову посвящено Зинаидой Гиппиус и стихотворение «Журавли» – про «дыханье рек» и «солнечно-алый цветок».

¹ Пастернак Б. Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука, 2011. – С.712. (Роман «Доктор Живаго», стихотворение Юрия Живаго «Гефсиманский сад»).

² Стихотворение «Целый день передо мною...».

³ Стихотворение «Твари весенние».

У П. Соловьёвой в «Болгарской песне» разбуженная девушка просит Бога привести к ней того жениха, что явился во сне без подарков и с печальным вздохом поцеловал её. Конечно, для девушки поцелуй чудеснее всего на свете, а для нас важнее то, что приснившийся жених был без подарков и печально вздыхал. То есть перед нами «рыцарь бедный», способный влюбиться в «виденье, непостижное уму». Этот пушкинский образ в сознании Александра Блока был тесно связан с личностью родного брата Поликсены Соловьёвой, поэта и философа Владимира Сергеевича Соловьёва (1853-1900). В 1910 году Блок опубликует статью, в которой назовёт В.С. Соловьёва «рыцарем-монахом» и даже «рыцарем бедным». Не удивительно, что этот печальный образ для автора «Плакун-травы» очень важен.

В стихотворении «Благовещенье» главная деталь – нежные и строгие, и, словно живые, из растений, «лепестково-белые одежды» Девы. Так поэтесса создаёт образ юности, непорочности, избранности, предчувствия счастья. А вокруг – свет и «золото весеннего напева» [10, с. 29]. В стихотворении «Рассвет» Магдалина идёт «узкой тропею росистой» – конечно, имеются в виду травы, с которых срывается роса. Здесь сад играет роль хранителя страшной тайны, он приют неведомой птицы и призрака.

В книге несколько раз встречается описание высоких, до неба, деревьев. Вот сторожат гробницу суровые кипарисы, протыкающие своими вершинами, словно шеломами витязей, голубое небо («Воскресение»). Они – ни много ни мало – свидетели воскресения Христа.

Стихотворение «Факелы» – тоже про сад, но про ночной сад, в котором деревья обогреты светом факелов. Здесь деревья играют роль границы между живым огнём и ночной нежностью, они машут рдеющими крыльями-ветвями, разгоняя тени нетопырей. В этом произведении улавливается и знакомый образ водоросли:

Змеи огненные пляшут

В чёрном зеркале воды... [10, с. 37].

Как известно, змеи – твари земноводные. Для автора «Заклинательницы змей» Ф. Сологуба, для участников поэтических вечеров у К. Случевского – Константина Бальмонта, Поликсены Соловьёвой, Зинаиды Гиппиус – этот образ был весьма значим. Автор «Плакун-травы» использует внешнюю схожесть змей с гибкими стеблями подводных растений. Водоросль в одноимённом стихотворении хочет питаться хмелем бури и нырнуть потом в глубину, «как пьяный змей» [10, с. 18].

А вот у Соловьёвой и ящерица мелькнула – раз, другой. Оказывается, что мечта – «точно ящерицы тонкой / Промелькнул скользкий бег» («Мгновенье»). Или : «Змеится тропинка... Пёстрой ящерицы спинка...» («В горах»). И вспоминается «Суэцкий канал» Николая Гумилёва:

Виден ящериц рой

Золотисто-зелёных,

Словно влаги морской

Стынут брызги на склонах [10, с. 123].

Брызги, застывшая слеза жемчужины, слёзная роса... Слёзный блеск трав тоже важная деталь, которая не раз возникает в сборнике «Плакун-травы». В «программном» стихотворении «Травы» эта деталь, конечно, есть. Почему «программном»? В этом

небольшом по объёму стихотворении прослеживаются сразу четыре функциональные особенности трав.

Прежде всего, это способность возрождаться первыми из-под умерших прошлогодних листьев; вторая функция – служить игрушкой ветра; третья – функция прохладной ткани «в летнюю пору любви и цветенья» [10, с. 35]; четвертая – создавать целебные соки и злые отравы. Увы, эта многофункциональность не спасает траву. Как бы она ни любила жизнь и родную землю, всё равно ляжет «под косою звенящей» [10, с. 36]. Здесь коса – меч Немезиды, символ грядущей беды, кактаклизма. В другом стихотворении, «Воскресшие долины», ржавая коса символизирует долгую засуху и гибель всех трав. Но вот, подобно исполинам, тем же чёрным кипарисам из «Воскресенья», – встали деревья-призраки леса, предвосхищая возрождение, чувствуя «гул проснувшихся ключей» [10, с. 44].

Стихотворение «В горах» поражает живописностью пейзажа и неожиданной, созданной почти одной деталью, панорамностью. В стихотворении три строфы. П. Соловьёва в первой строфе показывает горную извилистую тропинку и ящерицу, во второй – каперс, и вдруг надо всем этим – картинно парящий и словно распятый в небе орёл. И – вновь важнейшая часть триединства – растение:

*Свесив веток град зелёный
По морщинистой скале,
Белизной осеребрённой
Каперс льнёт к седой земле*
[10, с. 45].

Здесь земля – спаситель растения. Но всё создано из праха земного, прахом и станет. Об этом говорится в «Страхе земли» – о молитве в мёртвой

пустыне, где даже ветер едва может шелестеть засохшей травой. В этом стихотворении трава – символ праха.

О важной и очень серьёзной миссии трав говорит поэтесса в стихотворении «Снежок». Тает последний снежок в сырой ложине, а над ним – «травка остро-зелёная / Нежною встала щетинкой» [1, с. 61]. Перед нами образец неожиданной метафоры и оксюморона. Щетинка – да ещё не жёсткая, а нежная (один из любимейших эпитетов Поликсены Соловьёвой). Травка бойка, юна, похожа на непослушную девчонку-сорванца. Снежок прощается с травкой, и здесь функция последней, несмотря ни на что, стремиться в завтрашний день, в будущее. Снежок дарит жизнь травке, и её задача – принять этот дар: у неё сегодня – день рождения. В этом образе – новая жизнь, со всеми её будущими радостями и печалью, открытиями и ошибками, возможностями и задачами: нести свет нового дня, вбирая в себя небо «страстно и невинно», «дымясь серебром полынным» [10, с. 49], блестя ковыльными лучами-нитями (стихотворение «Утро»).

В стихотворении «Наверху» опять прослеживается мотив плакун-травы: «Как мгновенная белая пена, печаль» [10, с. 51]. Но сколько радости, а не печали, могут принести растения в день Святой Троицы (стихотворение «Троицын день»)!. Этот праздник традиционно олицетворяют белоснежные берёзы, на коре которых «роются слёзы нежные» [10, с. 65]. Иконы в домах и храмах украшаются душистыми берёзовыми и кленовыми веточками с листьями, а пол устилается свежескошенной травой, золотистыми цветами. Зелёный свет растений означает

животворящую и обновляющую силу Святого Духа. В Троицу такое убранство радует Бога и людей. И, конечно, люди обязательно помянут в молитве «травы нежные, желтоцветы и берёзы белоснежные» [10, с. 65].

И опять к небу, пронзая его, стремятся деревья (стихотворение «Тишина», посвящённое З. Гиппиус), но здесь вершины елей уже молитвенные. Эта молитвенная функция деревьев встречается и в стихотворении «Боль», в котором липы пытаются помочь лирическому герою справиться с горем, сопереживают ему, роняя «в сумерках вздохи медвяные» [10, с. 67], словно капли смолы – будущего янтаря.

В сборнике сплетены воедино природа и человек, вера в Бога, Евангельский мир и желание постичь тайны бытия. Соловьёва рисует перед читателем многозначную картину микро- и макромира, обращается и к тонким движениям души, и к величественной, масштабной жизни природы. Перед нами развёрнуты картины морских пучин и высоких гор, безграничного поднебесья и безводных пустынь. Автор широко используются слова, относящиеся к лексико-семантическому полю цвета. Мир «Плакун-травы» декоративен, многоцветен, его насыщенные краски близки душе лирического героя, ищущего красоты и гармонии. Природа в стихах П. Соловьёвой одухотворена. Это не фон, лишь оттеняющий переживания человека, – природа участвует в размышлениях лирического героя, поражает своей красотой, величием, мощью, она таит загадки и неотступно манит искать на них ответы.

Творчество Поликсены Соловьёвой, к сожалению, ещё не стало широко известным современному читателю. Но даже на примере одной её книги мы видим: автор по-настоящему талантлива и одарена. Образы и поэтические средства выразительности сборника «Плакун-трава» увлекают, вызывают множество ассоциаций, помогают заново испытать удивление перед миром, интерес к нему. Хочется верить, что голос Поликсены Соловьёвой – автора проникновенных и тонких стихотворений – обязательно будет услышан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненский И. О современном лиризме. // Книга отражений. – М.: Наука, 1979. – 680 с.
2. Блок А. Нечаянная радость. Второй сборник стихов. – М.: Скорпион, 1907. – 178 с.
3. Блок А. Собрание соч. в 8 тт. Т. 1. Стихотворения 1897-1904 гг. – М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 716 с.
4. Гиппиус З.Н. Живые лица. Стихи, дневники. – Тбилиси: МЕРАНИ, 1991. – 398 с.
5. Гиппиус З.Н. Стихотворения; Живые лица / Вступ. статья, Сост., подгот. текста, коммент. Н. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. – 471 с. (Забываемая книга).
6. Гумилёв Н. Избранное / Серия Библиотека словесника. – М.: Просвещение, 1990. – 384 с.
7. Гумилёв Н. Стихи, письма о русской поэзии / Серия Забытая книга. – М.: «Художественная литература», 1989. – 447 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. Том III. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. – М.: 1955. – 554 с.

9. Кедров К. Метаметафора. — М.: ДООС, 1999. — 39 с.
10. Пастернак Б. Малое собрание сочинений. СПб.: «Азбука», 2011. — 720 с.
11. Соловьёва П. Плакун-трава. Стихи. — СПб.: Площадь Мариинского театра, 6. — 1909. — 76 с.
12. Сологуб Ф. Заклинательница змей. Романы, рассказы. — М.: ТЕРРА-TERRA, 1997. — 736 с.